

Конференция - Дети: языке и культуре (23-24 ноября 2023 г.)

Тезисы докладов

Алпатов Владимир Михайлович v-alpatov@iling-ran.ru

Институт языкознания РАН

Как дети воспринимают язык

Дети начинают раздумывать о языке достаточно рано, по-видимому, начиная с 2-3 лет, когда уже оформились основные характеристики языкового механизма и идут его отладка и пополнение словарного запаса. В это время, а во многом и позже господствуют достаточно наивные представления о языке. Встречаясь с новым словом, значение которого не всегда понятно, ребенку хочется найти ему место среди уже известных слов. При этом действуют два основных принципа: какое-то звуковое сходство среди того, что уже освоено, и попытка объяснить неизвестное через известное. «Связь между именем и обозначаемым этим именем лицом или между названием и соответствующей вещью мыслится ... как существенное их тождество» (Р.О. Шор). Под словами в это время понимаются не лексемы, а словоформы, не накладывается требование регулярности отношений или деления всего слова на значимые части. Семантическая связь устанавливается совершенно произвольно и может быть какой угодно. Этот процесс однотипен с созданием взрослыми или старшим детьми народных этимологий, которые могут предлагать и дипломированные ученые (Н.Я. Марр, А.Т. Фоменко), однако у детей они особенно многочисленны. В памяти детей могут сохраняться «ослышки» и «очитки», дети могут запомнить не то, что они реально слышали или читали, а то, что соответствует домысленной семантике. Пример Р.О. Шор: предложение «Воспрянет род людской» воспринимается как «Возпряник в рот людской». Если ребёнок одноязычен, он речь на чужих языках может воспринимать в рамках родного языка, Если он владеет более чем одним языком, его ассоциации становятся богаче, но принципиальных изменений не происходит.

Виноградова Софья Петровна sophiapv@yahoo.com

Институт языкознания РАН

О семантическом поле ДЕТИ в иранских языках

Доклад планируется посвятить характеристике структуры семантического поля ДЕТИ в разных иранских языках и диалектах, а также отдельных сопредельных языках иных семей, включенных - в те или иные исторические периоды - в общий культурно-языковой ареал/ареалы с тем или иным престижным иранским языком; их общим свойствам и различиям, включая характер номинации, этимологии конкретных лексем, установление исконного фонда и контактной лексики, а также их стилистические характеристики.

Воропаев Николай Николаевич voropaev@vokitai.ru

Институт языкознания РАН

Классические сюжеты дзянгу Китая для воспитания детей

Китайский язык насыщен огромным количеством прецедентных фразеологических единиц, которые в традиционной китайской филологии относятся к сфере дяньгу (典故 diǎngù букв. классический прецедент). Дяньгу – это древние рассказы/сюжеты, упоминаемые посредством устойчивых выражений (фразеологических единиц) в разного рода текстах и известные слова или выражения из определённых источников, цитируемые в поэзии и прозе. Соответственно в Китае выделяют два вида дяньгу: сюжетное/событийное дяньгу (事典 shìdiǎn ‘дяньгу-сюжет/событие’) – разнообразные по форме устойчивые выражения, которые в поэзии и прозе указывают на конкретную старинную историю/сюжет или событие. И цитатное/словесное дяньгу (语典 yǔdiǎn ‘дяньгу-высказывание/выражение’) – слова или выражения из конкретных источников, цитируемые в поэзии и прозе.

Мы предлагаем рассмотреть ряд сюжетных дяньгу, которые повествуют о событиях древности, связанных с воспитанием детей. Таких дяньгу достаточно много. Некоторые из этих сюжетов даже входят в самый важный текст для обучения детей в начальных школах Китая «Сань-цзы-цзин» или «Троесловие» (сост. в 13 веке). Например, в самом начале этого канона упоминается мать философа Мэн-цзы, которая трижды переезжала с места на место, подальше от кладбища и рынка, но поближе к школе в поисках благоприятных условий для сына. Когда же Мэн-цзы забросил учёбу, она обрезала уже готовую ткань на своём ткацком станке, чтобы показать сыну, что нельзя прерывать учёбу (昔孟母，择邻处，子不学，断机杼。). И прочие персонажи и сюжеты. Кроме того, что эти события упоминаются в «Троесловии», в китайском языке и словарях зафиксировано множество фразеологизмов-дяньгу, которые в дискурсе также постоянно актуализируют данные события, например: 孟母三迁 ‘мать Мэн-цзы трижды переселяется’, 孟母择邻 ‘мать Мэн-цзы выбирает хороших соседей’, 孟母断织 ‘мать Мэн-цзы обрезает ткань [с ткацкого станка]’. Полагаем, что наличие в китайском языке и культуре такого большого количества подобных фразеологизмов и постоянное обращение к этим сюжетам говорит о неординарном подходе китайцев к воспитанию подрастающего поколения и требует более тщательного исследования и, возможно, некоторого заимствования.

Гаврилова Мария Владимировна mariavl.gavrilova@gmail.com

РАНХиГС

Детская игра с демоном: между психологическим и социальным

Игры преследования (прятки, жмурки, догонялки и т.п.) принадлежат числу самых популярных среди детей. Они распространены в самых разных культурах по всему земному шару, свидетельства о них относятся к разным эпохам и условиям. Подобные игры, скорее всего, являются общечеловеческой универсалией, поскольку паттерн поведения, лежащий в их основе, унаследован нами от животных предков. В то же время игры преследования – это феномен человеческой культуры и жанр фольклора. Сюжет погони/убегания/прятания часто получает в играх образное осмысление, которое отражает мифологические представления, свойственные данному сообществу. Кроме того, детские игры реагируют на актуальные события: социально-политические изменения, войны, катастрофы, яркие и популярные образы из массовой культуры. Средствами выражения для сюжета игры обычно становятся наименования противоборствующих сторон, их действий и атрибутов. При этом одна из сторон – это может быть как «преследователь», так и «жертва» – часто бывает представлена персонажем из потустороннего мира: демоном, ходячим мертвецом и т.п. Носителями демонических и сверхъестественных качеств (черноты/слепоты/невидимости, способности к колдовству/оборотничеству/«оживанию» после «смерти», смешения

человеческих и нечеловеческих характеристик, людоедства и др.), нередко оказываются даже «земные» персонажи (животные, люди, радиация, вирусы и др.). В своем докладе, подготовленном на материале традиционных и современных детских игр, я планирую рассмотреть механизмы наделения той или иной стороны демоническими свойствами. Я постараюсь описать, в какой степени это бывает связано с психологическими эффектами, а в какой – с социальными причинами. Помимо фольклора в качестве материала также будут привлечены произведения массовой культуры, в которых изображаются детские игры.

Горячева Мария Александровна masha22275@list.ru

Институт языкознания РАН

Современные тенденции заимствования англоязычной лексики на примере функционирования в российском интернет-пространстве слов «пубер», «сиблинг» и «тодлер»

Доклад в русле направления «Ребенок: стратегия номинации» будет совмещать лексикологический и социолингвистический подходы. Он посвящен анализу появления и использования в современном русскоязычном интернет-пространстве таких слов, как «пубер», «сиблинг» и «тоддер». Предполагается, во-первых, дать сравнительное описание их места в русскоязычной системе номинации лексико-семантического поля «Ребенок» в русском языке, и, во-вторых, проследить за функционированием этих слов и выявить его специфику и динамику. Также будет осуществлена попытка осторожного прогнозирования дальнейшей судьбы рассматриваемых слов в русском языке.

Основными источниками нашего небольшого исследования являются следующие:

– Национальный корпус русского языка (<https://ruscorpora.ru/>);

– Толковый словарь иностранных слов;

– Сайт и форум «Материнство» (<https://materinstvo.ru/> и <https://forum.materinstvo.ru/index.php?showtopic=0&view=getnewpost>).

Выявление словоупотреблений будет осуществлено при помощи системы «Крибрум. Публичный поиск», предназначенной для поиска информации внутри текстов, написанных в социальных медиа. Планируется выявить жанровую специфику текстов с данными словами, а также уточнить адресную аудиторию (широкая аудитория, научное сообщество).

Для выявления динамики интенсивности поисковых запросов данных слов будет применяться в основном такой инструмент, как web-приложение корпорации Google – «Google Trends». Также планируется кратко коснуться принятого в третьем чтении в феврале 2023 года закона «О внесении изменений в Федеральный закон "О государственном языке Российской Федерации"» в контексте данной проблематики. Наше небольшое исследование поможет, с одной стороны, внести вклад в изучение заимствований в лексико-семантическом поле «дети», а, с другой стороны, на конкретном лингвистическом материале уточнить основные современные тенденции в процессе заимствования англоязычных слов в целом, что находится в русле широкой проблематики «язык и общество».

Грунтов Илья Александрович altaica@yandex.ru

Институт языкознания РАН

Мазо Ольга Михайловна mazoolgamm@gmail.com

НИУ ВШЭ

Системы названий пальцев в детских играх у монгольских народов

В ряде монгольских языков, как минимум, в бурятском, хамниганском, халха-монгольском и ордосском, помимо стандартных названий пальцев существуют еще названия, которые используются в детских пальчиковых играх. Взрослый человек называет пальцы и просит ребенка повторить их, при этом пальцы могут разговаривать друг с другом. В некоторых случаях существуют также особые названия для пальцев не только рук, но и ног.

Наш доклад основывается, как на наших полевых материалах, собранных у хамниган, монголов, ордосов, так и на записях исследователей более раннего времени и данных словарей. Игровые названия пальцев отличаются большим разнообразием.

Поскольку игровые названия пальцев — это слова, которые активно используются в раннем детстве, то даже в случае языкового сдвига, при отсутствии активного употребления родного языка, эти слова легко всплывают в памяти информантов.

Интересно, что в калмыцком языке эта система, по-видимому, была утрачена.

Некоторые из этих названий представляют собой заимствования и поэтому подвергаются различным контаминациям и народно-этимологическому переосмыслению.

Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда (проект 22-18-00586 «Построение типологии полисемии с применением частично-автоматизированной системы кросс-языковой идентификации семантических переходов»).

Данченкова Мария Александровна, Герасимов Дмитрий Сергеевич, Вохмина Виктория Леонидовна vlzarubskaja@hse.ru

НИУ ВШЭ - Пермь

Детство в контексте Перестройки: репрезентация образа ребенка

Определение ребенка является спорным даже в стабильное время, а во времена нестабильности, оно еще больше подвергается всевозможным толкованиям. Еще сложнее дать оценку определению «ребенок», когда оно начинает употребляться в коннотации с родителем, «взрослым» поскольку, находясь в новом семантическом поле, оно начинает зависеть от таких факторов, как динамика семьи и окружающего мира, особенностей взрослой жизни в этот период.

Поскольку в Перестройку наблюдается активный пересмотр ценностей в институтах власти и в целом обществе, то этот период приобретает наибольший интерес для исследования. Для Перестройки характерно противоречивое определение детства, которое транслируются институтами власти и перенимаются как взрослыми, так и детьми. Образ ребенка в перестроечный период не является одномерным, поскольку на его конструирование накладывается отпечаток совершенно разные дискурсы, рисующих с одной стороны типичные черты, отношения и роли, которые должны были играть советские дети, с другой стороны заимствуется иностранный опыт, который набирает популярность в период гласности. Цель исследования - выявить особенности репрезентации образа ребенка в позднесоветский период.

Методология исследования входит в русло культурной антропологии, основываясь на концепции «плотного описания» К. Гирца, чтобы уделить более пристальное внимание семиотическому анализу. В качестве дополнительного инструмента при работе с визуальными источниками используется методология И. Гофмана, описывающем социальное взаимодействие как театральное представление.

Благодаря применению методологии «насыщенного описания» К. Гирца в исследовании выделяется три сюжета. Первый - официальные образы «ребенка», которые транслируются в публичном пространстве и выделяются на основе анализа периодической печати. Второй сюжет - восприятие ребенка как части семьи, с позиции ребенок - взрослый, который можно выделить на основе фотографии из личных коллекций, а также на основе качественного метода (интервью). Третий сюжет -

практики присвоения официальных и частных смыслов и сценариев самими детьми, который также опирается на эго-документы, интервью и личные фотографии. Что позволяет выявить особенности репрезентации детей на разных уровнях: визуальном, текстуальном и конкретно-событийном.

Додыхудоева Лейли Рахимовна leiladod@yahoo.com

Институт языкознания РАН

Об обозначении половозрастных групп и семантическом наполнении поля "ДЕТИ" в иранских языках Таджикистана

Доклад планируется посвятить характеристике структуры лексико-семантического поля ДЕТИ в иранских языках и диалектах Таджикистана (памирские, таджикский) с привлечением также отдельных языков иных семей (тюркские, дардские, нуристанские) соседних регионов.

Отдельно рассматриваются социокультурные и лингвокультурные характеристики, связанные с гендерными ролями и их обозначением.

Евдокимова Александра Алексеевна arochka@gmail.com

Институт языкознания РАН

Византийские детские погребальные надписи. Формулы и другие особенности

В Византии детские погребальные надписи в некоторых аспектах построены по тем же принципам, что и взрослые, поскольку иногда дети хоронились вместе с матерями или обоими родителями, и надгробия были общими. Однако, существовали и отдельные детские памятники, разбор которых и будет представлен в докладе в сравнении с той категорией надписей, где дети упоминаются с родителями. Среди обозначений детей учитывались такие греческие слова, как παις, παιδός, вариант от него τὸ παιδίον, τὸ τέκνον и термины с учетом гендерной разницы: υἱός и κόρη, θυγάτηρ в случае конкретизации возраста и его малом значении. При анализе из эпиграфической базы РНІ 7 в надписях IV-XV вв. из разных регионов Византии собирались все вариации написания этих слов, возникшие под влиянием итацизма и монофтонгизации дифтонгов. Как показало сравнение формул в погребальных надписях взрослых, детские погребальные надписи используют ряд формульных эпитетов с семантикой юности, невинности, радости, светлости, а также в них более эмоциональные формулы для выражения скорби, например, используются различные описания пролитых по ребенку слез. В отличие от взрослых надгробных памятников на детских чаще указывают возраст и кроме отца могут указать и имя матери, что на взрослых памятниках скорее не принято. Большая часть памятников в подборке со словом παις, παιδός приходится на V-VI вв. и происходит из Малой Азии и Греции, в других регионах Византии не так много сохранилось надписей подобного рода или же они были не изданы на момент выхода эпиграфической базы РНІ 7. Слово τέκνον чаще представлено, особенно, в надгробных надписях матерей вместе с детьми. В этой группе гораздо больше надписей и более позднего времени, в том числе XV в., чаще всего они встречаются в Малой Азии, Сирии, Палестине и Италии.

Ежова Оксана Федоровна oks-ezhova@yandex.ru

Архив РАН

Воспитание детей из семей русских старообрядцев Придунайского региона в 1940-е, 1970-е годы и в настоящее время. По материалам экспедиций 2020, 2021 гг и онлайн интервью

Русские старообрядцы Придунайского региона – этноконфессиональное сообщество, в некоторых частях региона называемое липоване. В сообществе устойчивые практики,

связанные с воспитанием и образованием детей, на протяжении XX – начала XXI века в некоторых вопросах остаются неизменными, в других же - претерпевают изменения. Анализируя интервью респондентов – членов сообщества, как взрослых, так и детей, отчасти можно проследить характер изменений. Доклад посвящен описанию воспитательных практик и анализу их изменений в различных поколениях информантов.

Зализняк Анна Андреевна anna.a.zalizniak@gmail.com

Институт языкознания РАН

Детей надо баловать – тогда из них вырастают настоящие разбойники

В семантике русского глагола *баловать* <детей> можно выделить следующие составляющие:

(1) Делать ребенку что-л. приятное (выражая этим свою любовь); в том числе:

а) ласкать, обнимать, целовать;

б) говорить ласковые слова;

в) разрешать ему делать все то, что он хочет.

Это некоторый общий принцип поведения по отношению к детям, который проявляется в конкретных действиях.

(2) Это формирует в ребенке дурную привычку;

(3) Это «портит» ребенка; поэтому сам этот принцип поведения оценивается отрицательно.

Второй и третий компоненты отражают идею «детей нельзя баловать», которая относится к числу базовых установок европейской (как христианской, так и светской) культуры. Баловать означает приучать ребенка к ложной идее, что мир вокруг него – это источник удовольствий, и что все его желания должны исполняться; такая привычка, с одной стороны, гарантирует разочарование и обиду на жизнь во взрослом возрасте, с другой – способствует развитию эгоизма и других дурных душевных качеств. Именно эта идея отражена в игровой форме в ставшей крылатой фразе атаманши из сказки Е.Шварца «Снежная королева»; ср. также не менее известное высказывание Цветаевой «Мальчиков нужно баловать — им, может быть, на войну придется».

В докладе рассматриваются способы выражения идеи «баловать (детей)» в европейских языках путем применения метода типологии семантических переходов, т.е. выявления связей на уровне полисемии, семантической эволюции и внутренней формы. Выделяются четыре стратегии номинации, в соответствии с которыми слова со значением ‘баловать’ образуют четыре группы - на основании того, какая из перечисленных выше составляющих идеи ‘баловать’ положена в основу номинации. А именно:

- Группа «ласкать» – компонент (1а): англ. *to pamper*; итал. *coccolare i bambini*; дат.: *forkæle børn*, польск. *rozpieszczać dziecko*; серб. *размазити децу*, от *мазити* ‘обнимать’, греч. *παράχαιδέω*.
- Группа «говорить» – компонент (1б): рус. *баловать*: согласно Фасмеру, наиболее вероятно происхождение – от др.-рус. *баловати* ‘лечить’, ср. *балий* ‘врач, заклинатель, чародей’, от *баяти* ‘говорить’.

С другой стороны, к этой группе относится исп. *mimar* (RAE: *Tratar con excesivo regalo, cariño y condescendencia a alguien, y en especial a los niños; de origen expresivo*, т.е. очевидно звукоподражательное, ср. рус. *сюсюкать*, а также слово *ми-ми-ми* в молодежном сленге: «нечто вызывающее чувство умиления настолько сильное, что его невозможно выразить словами» <https://autogear.ru/article/438/507/что-значит-ми-ми-ми-кто-ето-прிடумал/>); тот же

глагол *timar* используется в значении ‘баловать’ в остальных иберо-романских языках – каталанском, португальском и галисийском.

- Группа «формировать дурную привычку» – компонент (2): нем.: *verwöhnen* – букв. ‘приучать к дурному’ от (утраченного) *wöhnen*, совр. *gewöhnen* ‘приучать’ с приставкой *ver-* в значении негативной оценки, ср. *verachten* ‘презирать’, *verwählen* ‘набрать неправильный номер’, *verbilden* ‘искажать, уродовать’ и т.п.; тот же глагол (*verwennen*) – в нидерландском. Итал. *vezzeggiare*, от *vezzo* (из лат *vitium* ‘порок’): 1) привычка (также и скверная); порок 2) ласка, нежность: *fare un vezzo a qd* ‘приласкать кого-либо’, *fare vezzi a un bambino* ‘баловать ребёнка’.
- Группа «портить» – компонент (3): англ. *to spoil*, фр. *gâter*, норв. *skjemme bort*, исл. *dekra við*, словен. *razvajati*. Первое значение у всех этих глаголов – ‘портить’.

Компонент (1в) ‘разрешать ребенку делать все то, что он хочет’ нигде не является мотивирующим при выборе номинации, но он присутствует во всех группах (возможно, за исключением первой). ‘Избалованный ребенок’ – это такой, который привык получать все, что он хочет иметь. Ср. также аналогии для *баловать*, указанные в Активном словаре русского языка *ни в чем не отказывать кому-л.; потакать, потворствовать* [Апресян (ред.) 2014: I, 145].

Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда (проект 22-18-00586 «Построение типологии полисемии с применением частично-автоматизированной системы кросс-языковой идентификации семантических переходов»).

Каприелова Виктория Валерьевна nikakar@mail.ru

МГУ имени М.В.Ломоносова

Способы номинации детей в сербском языке

Семья и, в частности, дети занимают центральное место в сербской культуре, тем не менее способы номинации детей в современном сербском языке практически не описаны¹.

В сербском языке различаются названия ребенка, в зависимости от возраста (*новорођенче, беба, тинејџер*) и от пола и возраста (*дечак, момчић* – ребенок мужского пола; *девојчица, девојка* – женского пола). Само слово *дете* («ребенок») может употребляться при обращении к любому лицу, которое младше говорящего (даже достигшему совершеннолетия).

Существуют специальные лексемы, обозначающие социально-экономическое положение ребенка (н-р, *гаванче* – «ребенок богатых родителей», *бокче* – «сирота, бедный ребенок»), его внешность (н-р, *гаравче* – «ребенок с темными волосами», *гуравче* – «сутулый ребенок») и место в структуре семьи (н-р, *сестрић* – «сын сестры»).

Для обозначения детей часто используются названия животных (исключительно деминутивы), обладающие как положительной (*голупче* – «голубок», *цицкош* – «котенок», *бубица* – «букашка» и т.д.), так и отрицательной коннотацией (*штене* – «щенок», *петлић* – «петушок», *магаре* – «осленок», *жгадија* – «паразит» и т.д.) для выражения доброжелательного или недоброжелательного отношения к ребенку.

Как показали наши наблюдения, в сербском языке большое количество лексем обозначает непослушных, невоспитанных детей (часто мальчиков): *мука, немирко, мусавко, деран* и т.д. В качестве ласковых обращений к детям используются, например,

¹ Но, например, известно, что под влиянием народных верований сербы традиционно маркировали специальными лексемами первого и последнего ребенка в семье, близнецов и внебрачных детей [1].

слова *душо* («душа»), *сунце* («солнце»), *срећо* («счастье»), *кућа* («дом»), *шећерче* («сахарок»).

В ряде случаев при обращении к детям снимается оппозиция мужской пол-женский пол, и слова, первоначально обозначающие лиц мужского пола, употребляются и по отношению к девочкам/женщинам. Например, распространенными обращениями к ребенку любого пола (или лицу младшего возраста) являются слово *сине* («сын» в Зв.п.), вокатив *Мико* или *Миће* (деминутив мужского имени *Михајло*). Возможно, таким образом отражается влияние венгерского языка, не различающего род.

Литература:

Требјешанин Жарко. Представа о детету у српској култури. Београд, 2000.

Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда (проект 22-18-00586 «Построение типологии полисемии с применением частично-автоматизированной системы кросс-языковой идентификации семантических переходов»).

Качинская Ирина Борисовна kacza@yandex.ru

МГУ имени М.В.Ломоносова

Номинация детей в архангельских говорах

Номинация детей связана с возрастом, полом, порядком появления на свет, с социальным статусом: рождением в браке, вне брака, сиротством, усыновлением; с отношением к ним со стороны старших.

В докладе будет представлена общая номинация детей и подростков, зафиксированная в архангельских говорах. Наряду с общерусскими лексемами (*дети, деточки, детушки; ребята; малые, малыши; подростки; отроки*) или лексемами со «знакомыми» корнями, но иными словообразовательными или грамматическими моделями (*детва, детня, детняк, детята, детяти; робёнки; малехонные, мальё, молодняк; недоростки; пацанёнки; отродье*), в северных говорах встретились экзотические наименования вроде *моегá, сáбра, самрá, сарынь, оборáбки, обдёржски, накóски, парасытки, челядá, челядь, чадёнки* и др.

Достаточно часто для номинации детей используются переносные значения (*водня, глупыш, дедюлька, добава, замена, начатье, капрал, семья*). Метафоры обычно связаны с различными культурными кодами: растительным (*корень, куст, отросток*), животным (*гнездо, гайно, табунок, цыплята, голубчики, медведки, собачата, мураши, черви, приплод*), соматическим (*колени, нога, черевье, подчеревье*), пищевым (*хлебцы, хлебы*). Встретились семантические переносы со стороны ономастики (*гаврики, макарки*).

Имеются специальные лексемы, называющие первых и последних в семье детей (*первенец, первородок, зачинушек и последыш, заскрёбыш*). Большой круг лексем связан с использованием ласковых слов, направленных на детей (*мезонька, боженой, молёной, тешеной*).

Коконова Анна Борисовна annakokonova@gmail.com

МГУ имени М.В.Ломоносова

Номинации незаконнорожденных детей по локальному признаку (на материале архангельских говоров)

Для детей, рожденных вне брака, существует большое количество наименований, различающихся моделями номинации. Лексемы с образной внутренней формой представляют зачатие незаконнорожденного ребенка как тайное, связанное с *углом, воротами*. Такую ситуацию описывают фраземы *за углом сделан, за углом заколонён, за углом состроен, за углом нашла, по-за углах терелась*.

Номинации незаконнорожденных детей, образованные от корня **-угол-**, в архангельских говорах очень разнообразны:

заву́лок: Фсе надéланы, заву́лок – беззакóники-то.

зау́лок: Зау́лок - незаконнорóжденное дитя́, от незаконнó оцá.

Отрицательная оценка, заключенная в наименовании, может усиливаться с помощью прилагательного: Сколóтнóй ребéнок, зау́лок околóтнóй – скóлок, сколóтнóй.

С другой стороны, фиксируется и уменьшительно-ласкательная форма **зау́лочек**, которая показывает, что отношение к незаконным детям могло быть и не резко отрицательным: Хоть и под охáпки не ходила, а зау́лоцькоф мнóго бýло.

зау́лыш: Ой, у йей зау́лыш – óн без оцá нáжыт.

зау́льник: Йёсь такóйе, йих зау́льникоф – пóлная дерéвня.

зау́лёнок: Была́ бы она́ не бордáчьная дак, у йей фсё зау́лята.

зау́лётина: Ах ты зау́лок, зау́лётина, сколóток ты!

Действия женщины, родившей ребенка вне брака, описываются словосочетаниями *принести зау́лка*, *наносить зау́лков*, *зау́льников наносить*.

Реже встречаются номинации, образованные от корней **-ворот-** и **-забор-**. Они также указывают, что ситуация зачатия ребенка является не освященной обрядом, а потому происходящей тайно, вне дома.

заворóтышек: Спи, сколóтышок, да заворóтышок.

подзабóрник: В рýгани даг зва́ли зау́льник, подзабóрник. КОН. Клм.

Интересно, что в послевоенное время диалектоносители оценивают подобные номинации иронически, уже не придавая большого значения сакральности брака: Фсе дéти, никóво на божни́цэ вить не зьдéлали. Фсе дéланы на дивáнах или на кровáтях, на божни́цу никто́ не залёс, ребéнка не состря́пал.

Новое отношение к явлению становится предпосылкой для образования новых номинаций: А тепёрь говоря́т «любона́йденныйе», по любви́ зьдéланныйе, нёт ни сколóтков ужé, ни зау́лкоф.

Михайлова Татьяна Андреевна tamih.msu@mail.ru

Институт языкознания РАН

Кельтские дети: эволюция возрастной классификации в зеркале языка

На раннем этапе и в ирландском, и в валлийском понятия «сын», «мальчик» и «ребенок» обозначались одной лексемой (соотв. *tacc*, *tar*). Др.ирл. лексема *ingen* обозначала «девочку» и «дочь». Ср. также галльск. *geneta* 'девочка, девушка' при *nat* 'сын' (?). На раннем этапе языкового развития фиксируется оппозиция «ребенок, сын, ребенок по отношению к родителям и пр.», кодируется лексемой *tacc*, и «ребенок-младенец» (*lenab*). Со временем, в связи с дальнейшим развитием общества происходит изменение поло-возрастной стратификации, требующее заполнения возникающих семантических ниш. Так *ingen* в ср.ирл. сохраняет лишь значение, 'дочь', тогда как для *девушки* начинает использоваться слово *cailín*, имеющее, предположительно, в качестве исходного значение 'служанка' (обратный переход 'девушка' → 'служанка' является обще-известным и универсальным). В валлийском семантический сдвиг, разделяющий понятия «девочка» и «дочь», либо произошел раньше, либо засвидетельствованные средне-валлийские данные относятся к более позднему периоду, по крайней мере лексемы *merch* 'дочь' и *geneth* 'девочка, девушка' в средне-валлийских текстах не находятся в конкурирующей семантической позиции. Интересно, что уже в XV в. др.ирл. *tacc* с широкой семантикой 'сын, мальчик, ребенок' также сужает свое значение до 'сын' и образовавшуюся семантическую нишу заполняет лексема *buachail*, образованная от др.ирл. *bó caill* букв. 'коровий пастух'. То есть мы вновь можем зафиксировать нетипичный семантический сдвиг в рамках того же поля: *слуга* → *мальчик*. Валлийский язык, в котором также возникла необходимость

обозначения понятия «мальчик» (при старом полисемантическом *map*) пошел по другому пути и образовал лексему *bachgen* ‘мальчик’ из *bach* ‘маленький’, реализовав другую возможность семантического перехода (ср. русск. *мальчик*). Более того, сужение значения ирландской лексемы *mac* до ‘сын’ образовало еще одну семантическую нишу, которая оказалась заполненной уже поздним норманнским заимствованием: *page* ‘паж, слуга’ > *páiste* ‘ребенок’. Таким образом мы вновь видим «работающий» механизм семантической фреквенталии: *слуга* → *ребенок*, обусловленной нюансированием поло-возрастной стратификации социума и необходимостью обозначения нового понятия: ребенок среднего возраста, несовершеннолетний. Особый интерес представляет семантическое развитие лат. *planta* ‘поросль, посадки’, давшее в валл. *plenty* ‘ребенок как не взрослый’ (сингулятив), а в ирл. - *clann* ‘совокупность детей по отношению к родителям’.

Исследование поддержано грантом РФ № 22-28-00072 «Стратегии номинации в области базовой зоо- и антропонимической лексики в языках Евразии».

Мурзакметов Абдымиталип Камытович suzak65@mail.ru

Ошский государственный университет

Окказиональные обряды кыргызов, связанные с рождением ребенка

Обряды сопутствовали человеку с момента рождения на свет, превращаясь в неотъемлемую часть мировосприятия и жизненных навыков каждой личности. Они определяли взаимоотношения человека с окружающим миром, формы хозяйственной деятельности, бытовую культуру, семейные традиции и психологические особенности кыргызов. Поэтому обряды не оставались архаическими явлениями, а становились основой народного этикета. В соответствии с реалиями нового времени, когда исчезают целые языки и национальные культуры, когда становится все более очевидной необходимость сохранения разнообразия в ноосфере во имя спасения человечества в целом, необходимо комплексное и новаторское исследование народных обрядов на глубоко научной основе. В последние годы чувствуется рост интереса к этим ценностям в научной среде.

В прошлом смертность детей у кыргызов была довольно высокой. Это обусловило возникновение целой системы обрядов. Наши предки большую роль отводили мерам против преждевременных родов. Их нельзя рассматривать в отрыве от обрядов. Когда молодая женщина рожала прежде срока и, особенно, когда повторялся выкидыш, это всерьез тревожило ее близких. В таких случаях женщину заставляли перешагнуть через сучку, рожавшую много щенков, съесть поздние плоды вторично расцветавшего фруктового дерева, проглотить яйцо ласточки, только начавшее превращаться в птенца, варили для нее мясо недоношенного приплода овец, коров, лошади и т.п. Была сильна вера в охранительное свойство некоторых животных. Женщины, у которых умирали дети, сразу же после рождения ребенка кормили своим молозивом щенка; так дитя человека и детеныш животного становились молочными братьями. Такой же ритуал могли исполнять по отношению к волчонку. Волчонка, у которого еще глаза не раскрылись как следует, кормили грудью вместе с ребенком в течение трех, пяти или семи дней и затем отпускали на волю. В некоторых случаях новорожденного пропускали через шкуру волка, снятую вместе с мордой. Такую шкуру сначала держали в воде, затем растягивали. Несомненно, эти ритуалы были связаны с тотемизмом.

Народные обряды, имеющие глубокие корни в истории духовного становления нации, сохранили и сегодня свое определенное влияние на нашу жизнь, сознание и мировосприятие.

Пеллинен Наталия Александровна nataliapellinen@gmail.com

Карельский научный центр РАН

Понятия "детство" и "детский" в карельском языке, диалектные различия и семантика.

В докладе с позиций этнолингвистики рассматриваются лексемы со значением «детство», «детский» в карельском языке. Представлено лексическое и фонетическое многообразие этих понятий в карельских диалектах. Сделана попытка осмыслить семантику лексем с привлечением данных традиционной культуры. Сопоставлено отражение рассматриваемых понятий в диалектах и литературном языке. В докладе также освещены примеры работы с лексикой при помощи Открытого корпуса вепсского и карельского языков ВепКар и базы данных исследования.

Руднев Вадим Петрович vrudnev@mail.ru

МГУ имени М.В. Ломоносова

Маленький Ганс и другие: Дети в психоанализе

Маленький Ганс - герой работы Фрейда «Анализ фобии пятилетнего мальчика» боялся больших лошадей, которых отождествлял с отцом. В 1972 году Жиль Делёз и Феликс Гваттари критиковали Фрейда в книге «Анти-Эдип», утверждая, что он навязывал маленькому Гансу Эдипов комплекс. В дальнейшем психоанализ детей получил развитие благодаря трудам английской школы Мелани Кляйн. Автор доклада интерпретирует Эдипов комплекс не как примитивное желание убить отца и переспать с матерью, но как обучение зрелым (триадным) объектным отношениям. Ребенок не устанавливает какой-то определенности в отношениях с матерью и отцом, он примыкает то к матери против отца, то к отцу против матери. Но почему обязательно нужно вступать в конфликт с кем-то, почему нельзя всем троим жить дружно? По-видимому, это универсальный социально-психологический закон. Например, в политике, для того чтобы возможна была демократия, необходимо минимум две партии, которые вступают в конфликт между собой, в борьбу за избирателя и за власть - потому что конфликт это развитие. Между республиканцами и демократами может не быть большой разницы, но жизненное пространство устроено так, что они должны конфликтовать в борьбе за избирателя. И вот две партии - это аналог отца и матери, а избиратель - аналог нашего маленького субъекта. Он все время голосует, и ему нужно сделать выбор, потому что жизнь так устроена. Избиратель не может голосовать одновременно за демократов и за республиканцев. Точно так же ребенок не может одинаково любить отца и мать, он должен сделать выбор. Это и есть то наименьшее зло, которое дает эта демократия объектных отношений. Но если партия только одна - это ведет к тоталитаризму, аналогом чего служат диадные объектные отношения. Таким образом, тоталитарный режим – предстает как аналог психоза, а демократический – как аналог невроза: здесь тоже все не гладко, но все-таки жить можно.

Руссо Максим Михайлович maks.rousseau@gmail.com

Институт языкознания РАН

Дети в базе данных семантических переходов

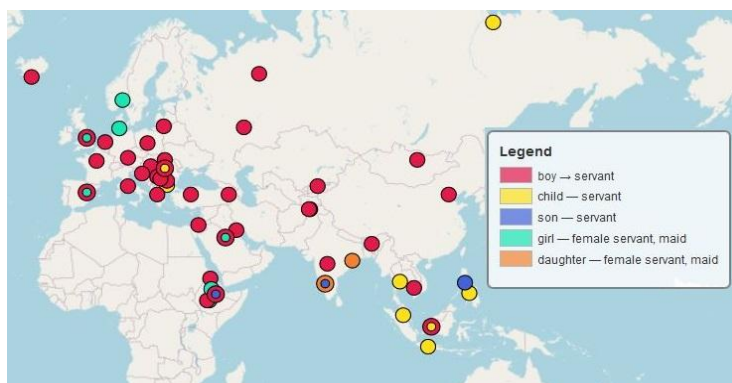
За годы работы над «Базой данных семантических переходов в языках мира» в ней было собрано около сорока переходов, связанных со значением 'ребенок'. Концептуальный арсенал базы включает семантические ярлыки 'ребенок (по возрасту)' и 'ребенок (сын или дочь)'. В большинстве языков эти значения выражаются одним словом (иногда с небольшими различиями, как в русской форме мн. ч. *ребята* только от *ребенок* в первом значении). Одна из задач, стоящих перед разработчиками базы, проверить универсальность этой классификации. Также в базе используются ярлыки

'мальчик', 'девочка', 'ребенок до крещения', 'сирота'.

Наиболее распространенные семантические переходы в данной области 'детеныш животного' ↔ 'ребенок', 'мальчик' → 'сын', 'девочка' → 'дочь', 'мальчик' → 'слуга', 'девочка' → 'служанка' (см. рис.).

Частотный переход 'ребенок' ↔ 'отросток растения' представляет интерес существованием в нем обоих направлений изменения значения. С одной стороны ребенок метафорически может представляться как ветвь или отросток. К таким случаям относятся рус. отпрыск (отпрыск знатного рода и растение размножается корневыми отпрысками), исп. *retoño* 'отросток', разг. 'ребенок', исп. *vástago* 'отросток, побег растения', 'потомок', фр. *rejeton*. Лат. *planta* 'саженец, побег' было заимствовано в кельтские языки в значении 'дети', др.-валл. *plant*, др.-ирл. *cland*, *clann* 'потомство', позже 'клан'. С другой стороны ветка или побег растения может метафорически описываться как ребенок: словен. *otròk* 'ребенок', 'побочный побег, побочный стебель', англ. *sucker* 'сосунок (детеныш любого млекопитающего в возрасте, когда его кормят грудным молоком)', 'отросток, ветка, боковой побег', рус. пасынок в зн. 'побочный побег', рум. *copil* 'ребенок' (изнач. 'незаконнорожденный ребенок'), 'боковой побег растения', лат. *fetus* 'потомство, молодняк, дети', 'побег, отпрыск'.

Один из источников для обозначения ребенка — слова со значением 'немой', 'тот, кто не говорит'. Как синхронная полисемия этот переход присутствует в лат. *infans*, как деривация в укр. *немовля*, белор. *немаўля*, чеш. *nemluvně*,

пол. *niemowlę*, *niemowlak*, *niemowlątko*. Также праслав. **otъrokъ* из отрицательная приставка **ot-* и **rokъ* из **rekti* 'говорить'. Считается, что др.-гр. *νήπιος* 'ребенок' содержит отрицательную приставку *νη-*, но корень неясен, по одной из версий это *ἔπος* 'речь'.

В языках Юго-Восточной Азии в качестве метафорических обозначений ребенка используются слова со значением 'мышь'. В трех географически далеких друг от друга языках засвидетельствована полисемия 'ребенок/яйцо'.

Часть переходов отражает метафорическое использование обозначений ребенка, например, 'ребенок' → 'мизинец', 'ребенок' → 'зрачок'.

Значение 'сирота' связано семантическими переходами со значениями 'бедный, нищий', 'батрак', 'вдова', 'уникальный'.

Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда (проект 22-18-00586 «Построение типологии полисемии с применением частично-автоматизированной системы кросс-языковой идентификации семантических переходов»).

Седакова Ирина Александровна ised@mail.ru

Институт славяноведения РАН

Категория пространства в «тексте рождения» болгар

Пространство — одно из центральных понятий в словаре и обрядности родин у всех народов. В наших работах мы рассматриваем родину как текст, который разворачивается во времени и пространстве — от зачатия до первых ритуалов социализации ребенка. Более того, специфические черты и свойства человека даже во

взрослом возрасте объясняются обстоятельствами его рождения. Локус служит судьбообразующим понятием для человека: существуют поверья о зависимости характера ребенка от места его зачатия / рождения (зачатие и рождение часто синонимичны в семиотическом плане, ср. о болтливом человеке *направен / роден на воденицата* «зачат / рожден на мельнице»), место смерти соотносится с местом появления на свет и др. Таким образом, в «текст рождения» вписан длинный путь с немалым количеством темпоральных (Цивьян 1982, Седакова 2011) и пространственных параметров.

Традиционно маркированные в народной картине мира локусы (дом, окно, дверь, порог, перекресток, баня и др.) в родильной обрядности получают специфический семиотический статус. Они включаются в конкретные пространственные противопоставления «левый» / «правый», «ближний» / «дальний», «внутри» / «наружу», «верх» / «низ», «открытый» / «закрытый» и др., которые, в свою очередь образуют более общие оппозиции «жизнь» / «смерть», «свой» / «чужой», «человек» / «животное» («демон»). Семиотический статус места релевантен не только для матери и ребенка, но и для всех участников обряда, включая повитуху, а также для всех домашних и всего социума.

Ряд мест (в сочетании с временными параметрами) считается опасным и нежелательным для беременной и для матери до очистительной молитвы. Сам факт родов должен был скрываться, и местом рождения ребенка в селах по традиции служили хозяйственные постройки, чтобы утаить от членов семьи, соседей и от вредоносных духов болезней происходящее.

Семиотика пространственных параметров болгарских родин будет представлена в докладе в сравнительном и типологическом плане с привлечением других славянских и балканских данных.

Литература

Седакова 2011 – Седакова И.А. Категория времени в славянском «тексте рождения»: зачатие и беременность // Пространство и время языке и культуре. М., 2011. С. 181–198.

Цивьян 1982 – Цивьян Т.В. Пространство и время в балканских охранительных обрядах, связанных с рождением ребенка // Македонски фолклор, № 29–30, 1982, 117–123.

Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда № 22-18-00365 «Семиотические модели в кросскультурном пространстве: Balcano-Balto-Slavica», <https://rscf.ru/project/22-18-00365/>.

Сиднева Светлана Александровна lucia80@mail.ru

МГУ имени М.В.Ломоносова

Дети в итальянских праздниках местнотимых святых

Праздники святых покровителей городов в Италии являются одним из важнейших аспектов локальной идентичности. В ряде итальянских праздников, посвященных местнотимым святым, центральными фигурами так называемого *processione* “праздничного шествия” становятся дети.

Они могут воплощать самого святого, даже с довольно вольной трактовкой возраста по сравнению с текстом жития. Ярким примером является день поминовения св. Розалии в Палермо с участием девочки от 7 до 12 лет, изображающей святую отшельницу. Дети могут участвовать в сценках, представляющих эпизоды жития, как в обряде *pondus rueri* “взвешивание мальчика” на день св. Антония Падуанского. Особенно интересны случаи, когда детям отводится роль «символа». Так, например, в обряде самобичевания на Страстную неделю современные флагелланты Ночера Теринезе и Вербикаро (Калабрия) ведут за собой мальчика, символизирующего «жертвенного агнца».

Некоторые обряды напоминают пережитки ритуалов инициации, как обряд со змеями в день св. Доменика в Кокулло (Абруццо).

В докладе рассматривается история возникновения обрядов с детьми, их символика и роль в конструировании местной итальянской идентичности. Особое внимание уделено номинации обрядов и их участников и противоречивому восприятию детского участия в ритуалах в современном итальянском обществе. С одной стороны, вовлечение детей в праздничный обряд рассматривается как способ передачи традиции и приобщение к местной идентичности. Интересным представляется и анализ реакции самих детей на участие в праздничных мероприятиях. С другой стороны, содержание некоторых обрядов отличается «недетским контентом» в соответствии с современной этикой и вызывает нарекания сторонних наблюдателей, которые в очередной раз показывают мозаичность итальянской национальной идентичности.

Материалами являются архивные данные, личные наблюдения за праздниками, опросы информантов, отображение праздников на официальных сайтах и в блогосфере.

Смирнитская Анна Александровна nyushas@gmail.com

Институт языкознания РАН

Понятие child в дравидийских языках: формальное развитие и семантические переходы

Данный доклад посвящен анализу путей формального и семантического развития слов со значением 'ребенок' в дравидийских языках. Рассматриваются выражения понятия в 18 языках дравидийской языковой семьи, привлекаются данные языков народов, живших по соседству в разные моменты истории - индоевропейских языков и языков мунда. В анализе данных используется методологический аппарат семантических переходов, разрабатываемый группой исследователей в Институте языкознания под рук. Анны А. Зализняк, а также методы сравнительно-исторического языкознания. Основные формы, выражающие значение 'child' в современных дравидийских языках, происходят из прадравидийских корней: ПДр *maɣl- 'child'; ПДр *kōz- 'young, sprout'; ПДр **pi!*- 'young girl'; ПДр *paC- 'green, yellow, fresh' и проч. Помимо этого, в выражении значения также участвуют заимствования, в частности индоарийского происхождения (каннада) *bāla* 'ребенок', 'мальчик'; *kaṃda* 'ребенок, малыш'; *kaṛu* 'теленоч', 'ребенок'; (телугу) *kurra* 'ребенок', 'мальчик', 'теленоч'; иранского происхождения (брахуи) *zah* 'ребенок, детеныш' и др. При рассмотрении данных о семантической эволюции, полисемии, морфологических дериватах и когнатах данной лексики, выясняется распространенность в дравидийских языках следующих семантических переходов с участием значения 'child': young → child, son – child, child – family, green → child, child — orphan, child – <young animal>; child – <young plant>, child – interest (finance) и др. При этом можно выделить паттерны полисемии (системы семантических переходов), включающие в себя два или более бинарных отношения, выражаемых одной и той же лексемой или рефлексамии одной и той же праформы. К таким можно отнести паттерн child - <young animal> - <young plant>, выражаемый лексемой *khadd* в курух; *kunna* и *pilla* в телугу, *pillai* в тамильском языке; многие из них являются рефлексамии ПДр **pi!*- 'young girl'. Также паттерн child - boy - calf, выражаемый лексемами гонди *paīyā*, конда *peya* 'calf of either sex', там. *peiyan* 'boy', малайялам *paital* 'child' и восходящими к ПДр корню *pai- 1 boy, child 2 calf и др. Такого рода паттерны полисемии могут быть использованы для более детального представления состояния семантики данного лексического поля в ранние периоды.

Исследование поддержано грантом РФФ № 22-28-00072 «Стратегии номинации в области базовой зоо- и антропонимической лексики в языках Евразии».

Федотова Идалия Вячеславовна idal.fedotova@gmail.com

Институт системного программирования им. В.П.Иванникова РАН
Институт языкознания РАН

Дети и детеныши в уральских языках

В отличие от терминов родства (сын, дочь), в уральских языках невозможно реконструировать единое праязыковое слово, обозначающее ребёнка. Наблюдается распределение моделей обозначения детей в отдельных языках и ареалах: значение 'ребенок' приобретают слова с исходными значениями 'дочь', 'сын', 'маленький', 'яйцо' и др.

В свою очередь, обозначения детенышей животных часто происходят от обозначения детей с помощью морфологической деривации, но наблюдаются и случаи полисемии (например, в карельском, горномарийском и коми-пермяцком).

В хантыйских языках примечательна полисемия 'яйцо, ребенок, детёныш', причем она сохраняется у этимологически разных слов: в восточнохантыйском *мок*, а в севернохантыйском *пошэх*. Хантыйские обозначения детёнышей образуются регулярно путем прибавления к слову *мок* или *пошэх* основы, обозначающей животного:

амп пошэх - щенок, *охсар пошэх* - лисёнок, *дов пошэх* - жеребёнок, *кати пошэх* - котёнок, *васы пошэх* - утенок, *цищики пошэх* - птеник.

В различных уральских языках также отмечаются отдельные слова для обозначения жеребёнка - вероятно, ввиду значимости коневодства у древних уральских народов.

В докладе будут рассмотрены основные модели обозначения детей и детенышей в уральских языках с этимологическими комментариями и их распределение на карте.

Исследование поддержано грантом РНФ № 22-28-00072 «Стратегии номинации в области базовой зоо- и антропонимической лексики в языках Евразии».

Хайрединова Эльзара Айдеровна khairedinovaz@rambler.ru

Институт археологии Крыма РАН

Детские амулеты раннесредневекового времени из Крыма

Судя по находкам из погребений 6-9 вв., для защиты детей от злых сил использовались колокольчики, шумящие составные подвески, специальные медальоны и аксессуары одежды с изображениями апотропейного характера.

Медальоны с изображениями святых всадника и Мины VII-VIII вв. предназначались для защиты от злых сил и, прежде всего, от козней дьяволицы Гиллу, которая угрожала беременным женщинам и новорожденным детям. Младенцам амулеты также вешали на шею: девочкам – по одному в ожерелье с бусами, мальчикам – по два на кожаном шнурке.

В Юго-Западном Крыму в VII в. бытовали византийские бронзовые цельнолитые пряжки с прочерченным изображением льва на круглом щитке. На щитках большинства пряжек подо львом схематически изображена змея, а также знаки, характерные для магических амулетов: пятилучевая или шестилучевая звезда, а также изображение глаза. Такие же изображения льва и змеи под ним фигурируют на ранневизантийских амулетах и на браслетах – амулетах из Сирии, Палестины и Малой Азии, которые предназначались для отвращения всякого зла от носящего. Пряжки относятся к изделиям массового производства, распространенным на широкой территории – от Италии до Малой Азии и Крыма. Во всем ареале пряжки стандартны, что может свидетельствовать о едином центре их производства. Судя по размерам, эти поясные застежки-апотропеи делались специально для детей. В Юго-Западном Крыму привозные византийские детские поясные застежки использовались по назначению. *In situ* пряжки зафиксированы в могильнике у с. Лучистое: они зачищены на нижних позвонках в погребениях ребенка и девочки-подростка. Подпоясывая одежду ребенка поясом с такой пряжкой, родители стремились обезопасить его от всякого зла и от действий темных сил через дурной глаз.

Чельшева Ирина Игоревна chelysheva@iling-ran.ru

Институт языкознания РАН

Обозначения ребенка от латыни к романским языкам: о детской речи, о детском разуме, о детской внешности

Обозначения ребенка в романских языках, в основном, не продолжают латинские слова соответствующего значения, а являются романскими лексическими инновациями. Формирование этой группы лексики, объединившей два основных аспекта: во-первых, ребенок как человек, не достигший взрослого возраста, и, во-вторых, ребенок как сын или дочь родителей, основано на разных семантических переходах от латыни к романским языкам, среди которых можно выделить несколько закономерностей, обнаруживающихся в разных романских ареалах. Разнообразны ономотопеические образования, отсылающие к неразборчивой детской речи, например, итал. *bimbo* и *bambino* с характерным чередованием звуков [b]/[m], исп. *niño*, франц. *bébé*, фриульск. *ninit* и др. (ср. лат. *infans* ‘не говорящий’, укр. *немовля*). Еще одна группа слов объединяет указание на возраст и определение человека как социально зависимого, лишенного собственных средств, занимающего подчиненное положение: франц. *garçon*, итал. *ragazzo*, старофранц. *mechin*, румынск. *băiat* и др. Выделяются характеристики внешности, на основании которых ребенок противопоставлен взрослому: диалекты Северной Италии *toso*, сицилийск. *caruso* ‘стриженный, бритый’ В средневековых романских текстах есть своя специфика в наименованиях ребенка, связанная с восприятием детства в европейском Средневековье.

Чёха Оксана Владимировна tchoekha@gmail.com

Институт славяноведения РАН

Луна и ребенок в языке балканского фольклора

В докладе будут рассмотрены балканские (преимущественно – новогреческие) народные представления о влиянии луны и лунного света на новорожденных (луна «пьет» или «ест» ребенка, определяет время родов, будущий пол младенца и его судьбу), фольклорные тексты заговоров, обращенных к луне (напр., заговоры от детской сухоты типа серб. «Мјесече, или ову тикву налиј или разбиј» [Месяц, ты эту тыкву налей или разбей] или греч. «Φέγγον, γὰ ἔλαρ’ ἴτο γὰ δῶσ’ ἄτο χέρα καὶ ποδάρα» [Эй, месяц, возьми его и дай ему руки и ноги]), а также терминологическая лексика, производная от греч. *σελήνη* ‘луна’ и греч. *φεγγαρι* ‘то же’, серб. *месечина* ‘то же’, болг. *месец* ‘то же’, используемая для номинации больных детей (напр., греч. *φεγγαρογέννητος* ‘рожденный в полнолуние ребенок, предрасположенный к заболеванию эпилепсией’, греч. диал. *χασοφεγγαρίτικα* ‘болезненные, слабые дети, родившиеся во время безлуния’, *λειψόφεγγος*, *λειψφεντζ’ίτικος* ‘слабый ребенок, зачатый после полнолуния’, серб. *месечар* ‘страдающий лунатизмом человек, мать которого во время беременности спала под лунным светом’ и др.), болезней, происхождение которых связывают с луной (греч. *φεγγαρίασμα* и *φεγγαρόπιασμα* ‘детская сухота’, *φεγγαρίασμα* ‘расстройство кишечника, понос’, *λιοφέγγαρο* ‘диарея’), а также лекарств, используемых при лечении таких болезней (греч. *φεγγαρόχορτο* ‘коровяк’, букв. – «лунная трава»).

Отдельного будет упомянут мотив, подробно разработанный в традициях балканских славян, а именно, представление о том, что между детьми, родившимися в течение одного и того же лунного месяца (болг. *едномесечета*, *едномесеци*, макед. *месечинци*, *едномесечинци*, серб. *једномесечићи*, *једномесечари*) устанавливается некая связь, тесная настолько, что смерть одного из них влечет за собой смерть другого.

Чиварзина Александра Игоревна mss-vah@yandex.ru

Институт славяноведения РАН

Дети, умершие до крещения, в языке и культуре арумын Македонии

Арумынское население осколками распределено по Балканскому полуострову. В Северной Македонии проживает большое количество арумын, которые сохраняют не только свой язык, но и культуру, безусловно, попавшую под сильное влияние окружающего ее славянского населения.

Материалы многочисленных полевых этнолингвистических исследований на Балканах свидетельствуют о сохранении традиционных мифологических верований. По народным представлениям, дети, умершие до крещения, переходят в разряд неуспокоившихся духов. Их наименования, происхождение и функции в сопоставлении и противопоставлении восточнороманской, в частности арумынской, и славянской традиции станут центром настоящего доклада. Былички, диалектные тексты об обрядах и оберегах, необходимых для защиты от вредоносных духов, позволяют проиллюстрировать народные представления, сохранившиеся до сегодняшнего дня.

Лексема *нави* (включая ее фонетические варианты) в македонском языке выступает гиперонимом по отношению к обозначениям мифологических персонажей подобного рода. На территории проживания арумынского населения, в частности, в округе г. Битола, собиратель македонского фольклора М. Цепенков фиксирует упоминание именно данной лексемы. В его записях отмечается, что *нави* называются демоны с функцией причинения вреда роженице и младенцу. По народным представлениям, это духи болезней в образе женщин (которые также называются *лахусы*, *бабици*). По другим свидетельствам, это души некрещеных младенцев в образе птиц, которые пронзительно кричат, зовут мать, летают над полями и пытаются попасть в помещение к роженице через печную трубу. В арумынском языке присутствует как собственное общее наименование подобных мифологических персонажей *albele*, так и заимствованная широко используемая славянским населением *нави*. Предметный, вербальный и акциональный коды ритуалов, направленных на обеспечение защиты роженицы и младенца, совпадают в двух культурах, отличаются только деталями.

В докладе предлагается ввести в научный оборот результаты недавних этнолингвистических экспедиций в районы концентрированного проживания арумынского населения в Македонии (г. Крушево и села в округе г. Битола, г. Штип).

Литература

Вражиновский Т. Народна митологија на Македонците. Скопје: Матица македонска; Прилеп: Институт за старословенска култура, 1998. Кн. 1.

Дукова У. Наименования демонов в болгарском языке. М.: Индрик, 2015.

Цепенков М. К. Македонски народни приказни. Скопје: Македонска книга, 1989. Кн. 5.

Țircomnici E. Obiceiuri și credințe macedoromâne: dicționar. București: Biblioteca Bucureștilor, 2009.

Работа осуществлялась по проекту РНФ № 22-18-00484 «Славяно-неславянские пограничья: похоронно-поминальный обряд в этнолингвистическом освещении» (<https://rscf.ru/project/22-18-00484/>) (руководитель – гл.н.с. ИСл РАН А. А. Плотникова).

Яковенко Екатерина Борисовна [<yakovenko@iling-ran.ru>](mailto:yakovenko@iling-ran.ru)

Институт языкознания РАН

«Чей это ребёнок?»: взаимодействие единиц cild (child), bearn и sunu (son) в истории английского языка

В разные периоды английского языка отдельные признаки понятия 'ребёнок' («человек в состоянии детства; лицо, не достигшее зрелости», «потомок», «член семьи, нуждающийся в силу возраста в заботе и уходе», «ученик», и, шире, «объект воспитания») приобретали различное языковое выражение. Проследив историю обозначений ребенка на большом количестве контекстов (в общей сложности около 400), отметим следующее:

В древнеанглийском практически все вышеперечисленные смыслы покрывались лексемой *bearn* (*barn*), являющейся субстантивированным причастием глагола *beran* и имевшей корреляты во многих древних и современных германских языках (гот., др.-и. *barn*, совр. фриз. *bern*, дат., шв., норв., исл. *barn*). *Sunu* (как и *dohtor*) использовалось лишь при необходимости обозначения пола, *cild* – по отношению к младенцу или очень маленькому ребенку, *magu*, наряду с ребенком, могло обозначать и молодого человека, парня, воина (ср. русск. *детина*). В средний период существительные *barn* и *magu* вышли из употребления, но резко возросло число контекстов с *child* (*cild*), получившим распространение с конца древнего периода (X-XI вв.) в религиозной прозе эпохи бенедиктинского возрождения. В тот же период *sunu* (позднее *son*, *son*) и *dohtor* (позднее *doughter*) приобрели переносные значения. С конца среднего периода субстантивный ряд с семантикой «ребенок» пополняется еще двумя единицами – *babe* (вероятно, звукоподражательного происхождения) и заимствованным *infant*; чуть позже появляется *baby* как диминутив *babe*, и номинативное поле понятия оказывается в раннеанглийском окончательно сформированным.

Для исследователя наибольший интерес представляют следующие моменты, связанные с изменением семантики и перераспределением значимостей исследуемых единиц в системе: 1) дистрибуция *bearn* и *cild* в древний период с учетом признаков возраста, гендера, социального положения родителя, а также содержательных и жанровых характеристик текста; 2) приобретение существительным *child* значения «дочь, девочка» в XVI-XVII вв. и постепенная его утрата. В дальнейшем нам также было бы интересно пронаблюдать развитие семантики сущ. *girl* (с XIII в., происхождение спорно), обозначавшего первоначально ребенка любого пола.